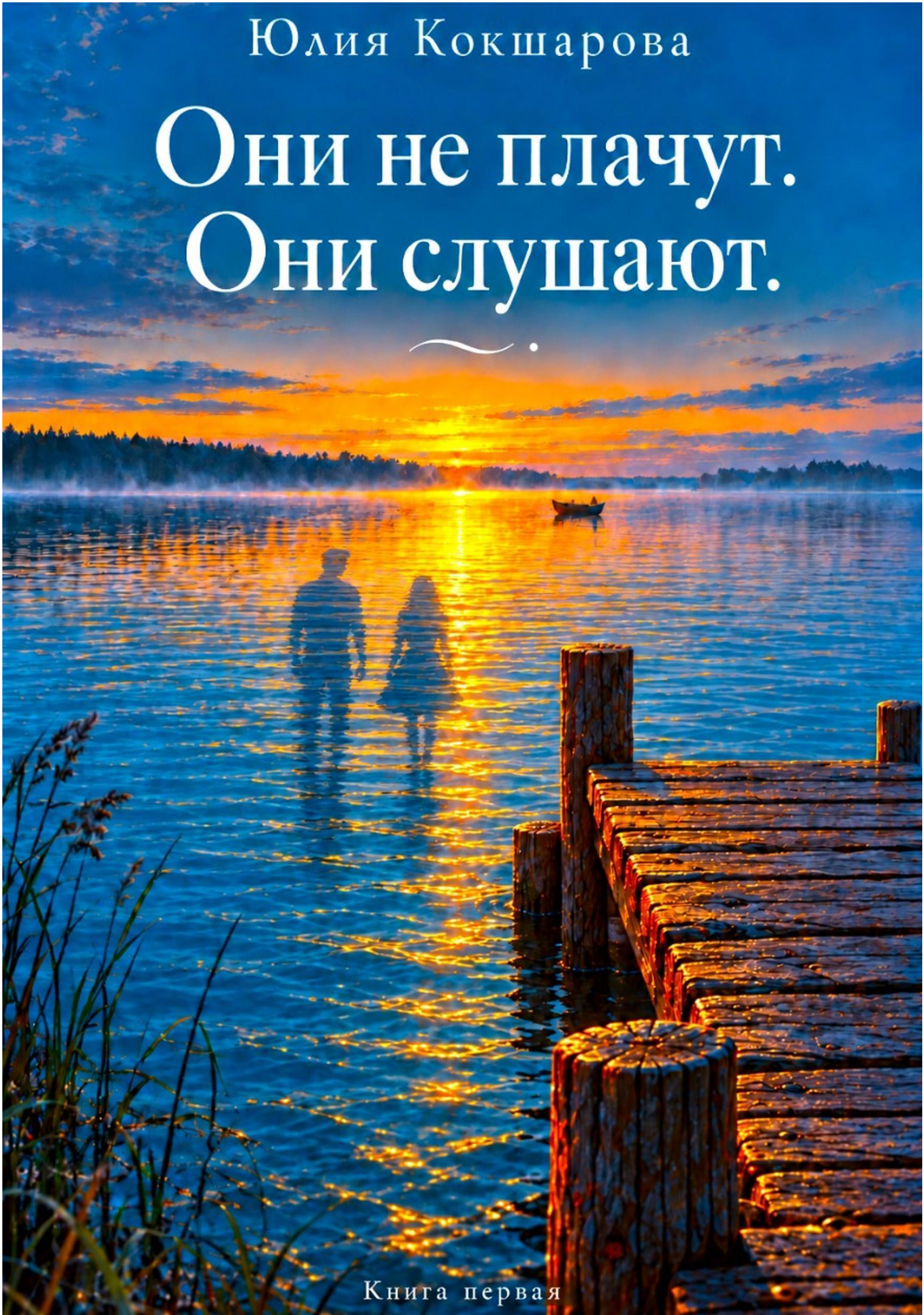
Юлия Кокшарова

Они не плачут. Они слушают.

Книга первая

Юлия Кокшарова

Они не плачут. Они слушают

«Автор»
2026

Кокшарова Ю.

Они не плачут. Они слушают / Ю. Кокшарова — «Автор», 2026

На берегу Чудского озера, вдали от больших городов, живёт семья Бережниковых. Здесь поколения сменяют друг друга, хранят память о близких, любят, теряют и продолжают жить.Когда семнадцатилетние близнецы Мирон и Мирослава отправляются в Псков поступать учиться, привычный мир неожиданно открывается им с другой стороны. На тихих городских улицах они слышат отголоски чужой жизни, которой вокруг них нет.В хуторе «Утешение» появляется историк. Его расспросы затрагивают семейные истории, которыми здесь не спешат делиться. А Чудское озеро, молчаливый свидетель человеческих судеб, хранит тайну, к которой каждый из героев приближается своим путём.Но всякую ли тайну стоит раскрывать?«Они не плачут. Они слушают» — история о семье, любви, памяти поколений и незримой связи времён. О том, что иногда самое важное можно не увидеть, а услышать.Первая книга трилогии.

© Кокшарова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Часть первая. Корни 9
Глава 1. Присядем на дорожку 9
Глава 2. Не прошло и минуты 21
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Они не плачут. Они слушают

Книга первая трилогии
Они не плачут. Они слушают.
Юлия Кокшарова
Оглавление
ПРОЛОГ
Часть первая. Корни
Глава 1. Присядем на дорожку
Глава 2. Не прошло и минуты
Глава 3. Двое придут
Глава 4. Свои
Глава 5. Хутор «Утешение»
Часть вторая. Извне
Глава 6. Мир за берегом
Глава 7. Встреча
Глава 8. Кто он, этот историк?
Часть третья. Озеро
Глава 9. Озеро

ПРОЛОГ

Первый вариант пришлось уничтожить, хотя в нём не было ни одного вымышленного слова.

Лист лежал возле лампы, исписанный до самых краёв. В середине страницы одну строку зачеркнули, затем восстановили над чертой, тесно втиснув слова между соседними строчками. Последнее слово не поместилось, и его вынесли на поле. При чтении взгляд всякий раз возвращался к нему.

В комнате стоял утренний полумрак, и свет лампы ещё казался ярким. На диване осталось смятое одеяло, а на щеке сидевшего за столом человека виднелся след подушки. Он был в тёплой фланелевой пижаме и стоптанных тапочках. Длинный рукав мешал писать, и он подвернул его, не отрываясь от страницы.

Рядом темнел бокал сухого вина. Пробка лежала возле пепельницы, в которой свежие окурки теснились поверх вчерашних. В свете лампы был заметен табачный дым, а запах давно впитался в тяжёлые шторы и обивку дивана. На столе вокруг бокала остались высохшие винные круги.

Кот на соседнем стуле терпеливо следил за бутербродом с сыром. Когда рука потянулась к бокалу, он тронул лапой локоть и негромко мяукнул. Полученного кусочка оказалось мало. Кот проглотил его и вытянул шею к блюдцу, так что завтрак пришлось отодвинуть подальше от края.

За окном мело. Двор, забор и нижние ветви ели были белым-белы. От дорожки к калитке сохранилась неглубокая впадина, по которой ветер гнал снежную пыль. У крыльца она взлетала, рассыпаясь по ступеням, а перед окном проносились длинные косые полосы снега. Временами сквозь метель проступал тёмный ствол ели, но вскоре исчезал снова.

Мороз затянул углы стекла плотным узором, оставив посередине неровный просвет. Утро почти не прибавило света. Из щели под рамой тянуло холодом, и он поджал ноги под стул.

Он положил перед собой чистый лист и переписал начало. На исправленном абзаце работа замедлилась. Прочёл его вполголоса, добавил два слова, но после них пришлось менять предыдущую фразу. Голос ещё хрипел после сна, и он откашлялся, прежде чем повторить написанное.

Восстановленную строку переписывать не стал. Оставил для неё место и продолжил ниже.

У проигрывателя на полке стояли пластинки. Поднявшись из-за стола, он сразу выбрал нужную и осторожно вынул её из потёртого конверта. Шов разошёлся, картон побелел на сгибах, но имя Чайковского читалось хорошо. Он провёл щёткой по дорожкам и опустил иглу.

Первые такты прозвучали сквозь лёгкое потрескивание, навевая спокойствие зимнего утра, когда можно остаться дома и никуда не спешить. Он задержался возле проигрывателя, положив руку на край полки. Плечи понемногу расслабились. Знакомую мелодию хотелось дослушать, и к столу он вернулся лишь после тихого завершения музыкальной фразы.

Кот тем временем перебрался на диван. Примял лапами смятое одеяло, улёгся и спрятал нос под хвост.

На столе лежали два листа. В первом слова теснились над зачёркнутой строкой, во втором на её месте оставалась белая полоса. Он допил вино и снова наполнил бокал, глядя на старую страницу.

Под музыку работа шла быстрее. Иногда пальцы левой руки отбивали такт, пока правая дописывала предложение. Вино убывало, в пепельнице прибавлялись окурки. Закончив страницу, он откинулся на спинку стула и перечитал оба варианта. Сигарета истлела почти до фильтра, прежде чем он заметил это и погасил её.

Под книгой без обложки лежала тетрадь. Он достал её и перенес исправленный текст, снова оставив место для пропущенной строки.

Следующий абзац он начал ниже.

К концу страницы музыка стихла, уступив место размеренному потрескиванию. Он поднял иглу и, вернувшись к столу, взял недоеденный бутерброд. Ветер гудел за стеной. Теперь, без музыки, слышалось, как снег с сухим шорохом ударяет в стекло.

Он доел, смахнул крошки на блюдце и взял первый лист. Угол загнулся, прикрыв вынесенное на поле слово. Расправив бумагу, он прочёл строку ещё раз, затем поднёс нижний край к пламени лампы.

По бумаге поползла коричневая кайма. Когда угол загорелся, он опустил лист в металлическую чашу. Пламя осветило слова над чертой и поднялось выше. Страница свернулась, скрыв середину, и осела на дно. Он не отводил взгляда, пока огонь не погас.

Несколько хлопьев пепла вынесло на стол. Один он смахнул в левую ладонь и растёр большим пальцем. Чёрная пыль забилась в складки кожи, обозначив глубокую линию от края до края. Он повернул руку к лампе и провёл по ней пальцем. Платок лежал рядом, но взял его не сразу.

В тетради оставался незавершённый абзац. Он дописал его, затем ниже составил несколько вопросов, отделяя их друг от друга свободными строками. После второго сверился с началом страницы и заменил одно слово. Третий вопрос оборвался у края листа. Пока перо медлило над ним, капля чернил расплылась по последним буквам.

Он промокнул пятно уголком уцелевшего черновика и оставил тетрадь раскрытой.

В бутылке оставалось на один бокал. Вылив остаток, он поставил её под стол, где стекло негромко звякнуло о другую бутылку. Допил вино и вернулся к вопросам. Почерк оставался таким же ровным, как в начале страницы.

За окном ветер ударил в раму, и пламя лампы дрогнуло. Он подошёл плотнее закрыть створку. От дорожки к калитке не осталось следа, двор занесло до нижних перекладин забора. Снег шёл сплошной стеной. В коротких просветах виднелось лишь крыльцо с сугробами по обе стороны ступеней.

Поправив задвижку, он застегнул верхнюю пуговицу пижамы и вернулся к столу. В металлической чаше уцелел обгоревший край листа. Когда он отодвинул чашу, хрупкий остаток рассыпался, оставив на дне чёрную пыль.

Уцелевший черновик он убрал в нижний ящик, под старые газеты и книгу без обложки. Ключ остался в замке. На столе осталась только раскрытая тетрадь с пропуском посреди страницы.

Он придвинул её к свету. Чернила на последнем вопросе подсохли, возле пятна ещё оставалось свободное место. Он дописал несколько букв, когда кот навострил уши и повернулся к двери.

Перо замерло над страницей. За окном ветер гнал снежные хлопья, и они прилипали к замёрзшему стеклу, когда во входную дверь тяжело постучали.

Рука дёрнулась, и перо, коснувшись бумаги, оставило косую черту. Он поспешно захлопнул тетрадь и спрятал её в нижний ящик поверх газет.

Задетый рукавом ключ коротко звякнул в замке, когда он задвинул ящик и отодвинул стул. Прислушиваясь к звукам за дверью, он уже собирался подняться, но стук повторился, на этот раз сильнее и настойчивее.

Он никого не ждал.

Кот сидел на краю дивана, вытянув шею в сторону прихожей, готовый в любой миг спрыгнуть на пол.

Часть первая. Корни

Глава 1. Присядем на дорожку

Утро выдалось тихим. По светлому небу неспешно плыли редкие облака, Чудское озеро лежало спокойно. Над прогретым песком у самого берега едва заметно струился воздух, а солнце рассыпало по воде золотые искры.

Тихон стоял у самого берега, заменяя старую сваю причала. Новая с трудом входила в песчаное дно, и каждый удар кувалды глухо разносился над водой. Тихон работал без спешки. За долгие годы он усвоил, что берег не терпит суеты, а сделанное второпях вода рано или поздно забирает.

Тихон вытер лоб и, прищурившись от солнца, задержал взгляд на далёкой линии, где небо сходилось с озёрной гладью. За спиной негромко переговаривались Мирон и Мирослава. Он не обернулся, но невольно прислушался к их голосам.

Близнецам уже исполнилось семнадцать. Они заметно повзрослели, но отец всё ещё помнил их маленькими, беззащитными младенцами, которым сам помог появиться на свет, ещё не зная, что через несколько часов останется с детьми один.

Мирон молча складывал инструменты после ремонта причала. В работе он был обстоятельным и уверенным, никогда не брался за починку, пока не разберётся, что именно сломалось и как это исправить.

Мирослава сидела неподалёку на старом бревне. В пальцах у неё серебрились листья полыни. Она растёрла один, вдохнула терпкий запах и задержала взгляд на озере.

— Сегодня оно другое.

Тихон опустил кувалду на песок и задержал взгляд на воде.

— Просто хороший день.

Мирослава выпустила из пальцев растёртый лист полыни, продолжая всматриваться в озеро.

К вечеру Бережниковы закончили работу и вернулись домой. В печи потрескивали дрова, пахло свежим хлебом, а под ногами привычно поскрипывали старые половицы.

После ужина Тихон принёс старый деревянный сундук, который не открывал уже несколько месяцев, поставил его на стол и осторожно поднял крышку. Сверху лежали вещи Ульяны — тёплый шерстяной платок, небольшая вышитая салфетка и холщовый мешочек с деньгами.

Когда-то они с Ульяной начали откладывать деньги на будущее детей. Теперь пришло время исполнить задуманное. Тихон развязал холщовый мешочек, достал накопленное, пересчитал и положил на стол. Тихон вспомнил слова Ульяны, произнесённые много лет назад.

— Не прячь их от мира. Дом должен быть пристанью, а не клеткой.

Тогда он лишь кивнул, не представляя, как трудно однажды будет последовать её совету.

За столом Мирослава оживлённо разговаривала с братом. Мирон слушал её с улыбкой, изредка вставляя замечания, а Тихон молча любовался детьми. Он ещё помнил, как оба умещались у него на руках, а теперь они сидели напротив, совсем взрослые, и ему предстояло впервые отпустить их так далеко от дома.

Тихон придвинул деньги к детям, и близнецы одновременно взглянули на него.

— Завтра поедете в Псков.

Мирон перестал улыбаться, а Мирослава замолчала на полуслове.

— Попробуете поступить. Если получится, останетесь учиться, а если нет, вернётесь домой, подготовитесь и подадите документы снова. Жизнь на этом не заканчивается.

Мирон выпрямился и придвинул к себе деньги. Они с сестрой давно говорили об учёбе в Пскове, но отъезд всё ещё казался далёким. Теперь уезжать предстояло уже завтра.

Мирослава поднялась и подошла к окну. За стеклом темнело озеро, по которому ещё утром рассыпались солнечные искры. Стать хирургом она мечтала давно и не раз представляла свою жизнь в Пскове, но одно отцовское «завтра» вдруг превратило далёкую мечту в настоящий отъезд из дома.

Тихон закрыл сундук и отодвинул его к краю стола.

— Я всю жизнь прожил здесь и ни разу об этом не пожалел. Но вам надо увидеть, как живут за нашим берегом, чтобы самим понять, куда потом захочется вернуться.

Мирон подался вперёд.

— Пап, а если мы уедем надолго?

Тихон подошёл к Мирославе и обнял её за плечи.

— Значит, надолго.

Мирон помолчал, прежде чем спросить.

— А ты?

— А я буду ждать.

Мирослава повернулась к отцу, не выходя из его объятий.

— Ты правда хочешь, чтобы мы уехали?

Тихон покачал головой и чуть крепче прижал дочь.

— Нет. Я хочу, чтобы вы выросли, а иногда без разлуки этого не получается.

Мирослава посмотрела на брата.

— А если мы поймём, что хотим остаться?

— Значит, останетесь.

Она всмотрелась в лицо отца. Тихон говорил спокойно, только рука на её плече едва заметно напряглась.

— И ты так просто нас отпустишь?

Тихон перевёл взгляд с дочери на сына.

— А что мне, привязать вас к причалу?

Мирон опустил голову, пряча улыбку.

— Дом никуда не денется, и я тоже, — продолжил Тихон уже серьёзнее. — А вы должны сами решить, где вам жить и кем стать.

Глядя на сына, Тихон вспомнил весеннее половодье, когда вода размыла старый мостик через ручей. Мужики с хутора долго спорили, где ставить новый, а Мирон сидел на берегу и слушал. Потом поднял с земли палку и подошёл к воде.

— Его не здесь ставить надо.

Мужики обернулись.

— А где?

Мирон прошёл выше по течению, проверил палкой дно и воткнул её в песок.

— Здесь крепче.

После этого он несколько вечеров просидел за кухонным столом над большими листами бумаги. Чертил, стирал, начинал заново, пока не нашёл способ поставить мостик так, чтобы следующее половодье не унесло его вместе с талой водой.

Тихон тогда не вмешивался. Только иногда проходил мимо стола и видел, как сын снова склоняется над листом.

Мирослава вернулась к столу, села рядом с братом и взглянула на лежавшие перед ним деньги.

— А я всё-таки стану хирургом.

Тихон повернулся к дочери.

— Значит, не передумала?

— Не передумала. Я маму не помню, но часто думаю о той ночи. Если бы рядом оказался человек, который сумел её спасти…

Она провела пальцем по краю стола и подняла глаза на отца.

— Я хочу стать таким человеком.

Тихон не ответил сразу. В наступившей тишине потрескивание дров в печи стало отчётливее. Он посмотрел сначала на Мирославу, потом на Мирона.

— Людей, которые умеют строить, всегда не хватает. А тех, кто умеет спасать, ещё меньше.

За разговорами вечер незаметно перешёл в ночь. Тихон первым поднялся из-за стола и напомнил о ранней дороге. Близнецы разошлись по комнатам, а деньги, столько лет пролежавшие рядом с вещами Ульяны, теперь лежали среди собранного к отъезду.

Тихон долго не мог уснуть. Когда дом окончательно затих, он оделся и вышел во двор. Под луной Чудское казалось почти чёрным. У берега вода не шевелилась.

Сняв кепку, Тихон остановился у воды и вгляделся туда, где озёрная гладь растворялась в темноте.

— Присмотри за ними.

Постоял Тихон у воды ещё немного, надел кепку и вернулся в дом.

До рассвета оставалось недолго.

Дом проснулся ещё затемно. Тихон растопил печь и поставил чайник. В комнатах запахло берёзовыми дровами, хлебом и травяным чаем. За окнами над водой поднимался лёгкий туман, понемногу скрывая берег и причал.

Мирон встал раньше сестры и, одевшись, вышел во двор. Перед дорогой его по привычке потянуло к причалу. У самых свай в прозрачной воде кормилась мелкая рыба, и от её движения по поверхности расходились круги.

— Прощаешься? — раздался за спиной голос Тихона.

Мирон обернулся и качнул головой.

— Просто смотрю.

Отец встал рядом. Они молча следили за кругами, расходившимися по воде у старых свай.

— В городе всё быстрее, — сказал Тихон. — Не пытайся успеть за каждым.

Мирон кивнул.

— И не думай, что все люди говорят то, что думают.

На этот раз Мирон повернулся к отцу, но тот уже смотрел на озеро. Переспрашивать сын не стал.

Мирослава тем временем распахнула окно. В комнату потянуло прохладой, запахом воды, сосновой смолы и влажной травы. Над озером прокричала чайка. Девушка задержалась у окна, всматриваясь в спокойную гладь. Сегодня ей хотелось думать, что Чудское её провожает.

Завтракали тише обычного. На столе стояли творог, яйца, свежий хлеб, мёд и горячее молоко. Тихон то и дело поглядывал на тарелки детей.

— Деньги зря не тратьте. Посмотрите город, купите всё, что понадобится для учёбы.

Мирослава отложила ложку.

— А себе оставил?

— Мне хватит.

Мирон потянулся за хлебом и взглянул на сестру.

— Не волнуйся, пап. Я прослежу, чтобы она не скупила весь Псков.

— За собой следи.

Обычная перепалка близнецов на этот раз порадовала Тихона, хотя он уже представлял, какой тихой станет кухня к вечеру.

Перед самым уходом Мирослава взялась за дверную ручку, но вдруг остановилась.

— Подождите меня.

Она поспешила к себе и вернулась с льняным платком Ульяны. Тихон узнал его сразу.

Мирослава развернула платок перед отцом.

— Можно я возьму?

Тихон коснулся пальцами вышитого края. Синие нитки давно поблёкли, но рисунок он помнил до последнего стежка.

— Возьми.

Мирослава бережно сложила платок, но в сумку убирать не стала.

Когда всё было собрано и оттягивать отъезд стало нечем, Тихон задержался у двери и оглядел детей.

— Ну, дети, присядем на дорожку.

Мирослава села на край лавки, не выпуская из рук материнского платка, Мирон устроился рядом, а Дымок лёг у ног Тихона, положил морду на лапы и затих.

В груди у Мирославы всё дрожало от радостного предвкушения и страха перед неизвестностью. Мирон только внешне сохранял спокойствие. Его взгляд задерживался на том, чего раньше он почти не замечал, на щербинке у края чашки, на узоре половика, истоптанного ими с сестрой с детства, на фотографии матери, стоявшей на комоде.

Дом жил своей привычной жизнью. Потрескивали поленья в печи, ветер едва слышно касался ставней.

Под ногой Мирославы знакомо скрипнула половица.

Тихон поднялся первым.

— Пора. Пусть всё будет ладно.

И только тогда они переступили порог.

Во дворе Мирослава убрала материнский платок в сумку, оставив в руках потёртый справочник для поступающих в медицинский институт.

Мирон проверил документы, а Тихон заглянул ему через плечо.

— Паспорт?

— На месте.

— Аттестат?

— Тоже.

Убедившись, что сын ничего не забыл, Тихон повернулся к дочери и кивнул на справочник.

— Даже его берёшь?

— Особенно его.

Мирон покосился на потрёпанную обложку.

— Ты его уже почти наизусть знаешь.

— Поэтому и беру.

— Зачем тогда перечитывать?

Мирослава прижала справочник к груди.

— Хочу ещё раз проверить, всё ли приготовила для поступления.

Тихон поправил ремень сумки, съехавший с её плеча.

— А в операционной сначала будет страшно.

Мирослава подняла на него глаза.

— Думаешь?

— Конечно. Главное, чтобы страх не помешал тебе сделать то, чему научишься.

Потом он повернулся к Мирону.

— А ты построишь то, чего нашему берегу всегда не хватало.

Мирон приподнял брови. Судя по уверенности отца, за приёмную комиссию тот уже всё решил.

— Если поступлю.

— А я в тебе не сомневаюсь.

За калитку Тихон вышел вместе с детьми. Дымок увязался следом и проводил их до старой груши, где Тихон остановился и придержал пса, собравшегося бежать за близнецами.

Мирон и Мирослава двинулись по дороге, продолжая о чём-то переговариваться.

У поворота Мирослава обернулась и помахала отцу. Тихон поднял руку в ответ, а Дымок рванулся следом, но отец удержал его. Пёс провожал близнецов взглядом, пока они не скрылись в утреннем тумане.

Тихон отпустил Дымка. Пёс ещё немного постоял у дороги, принюхиваясь к оставленному ими следу, затем нехотя побрёл во двор. Тихон пошёл за ним и только теперь почувствовал, каким большим стал опустевший дом.

Мирон и Мирослава тем временем уже миновали последние дома хутора. Дорога уходила от озера, и с каждым поворотом знакомый берег всё реже показывался между деревьями, пока наконец не исчез совсем. Мирослава несколько раз оглядывалась, Мирон шагал рядом, придерживая сумку на плече, и на этот раз им предстояло уйти дальше, чем когда-либо прежде.

Знакомая тропинка тянулась вдоль берега, потом ныряла в ельник и лишь спустя пару километров выводила к грунтовой дороге. До самого выхода из леса близнецы шли быстрее обычного, однако Мирослава то и дело оглядывалась, ожидая, что отец всё-таки окликнет их и отменит поездку. Мирон заметил её тревогу и постепенно замедлил шаг.

— Ты так шею свернёшь.

— Мне всё кажется, что папа нас позовёт.

Мирон тоже оглянулся на опустевшую тропинку.

— Не позовёт. Если бы передумал, Дымка бы за нами пустил. Уж он-то догнал бы.

Мирослава представила несущегося следом Дымка, улыбнулась и поправила ремень сумки. Дальше они пошли спокойнее, уже не прислушиваясь к каждому звуку за спиной.

На грунтовой дороге пахло мокрой глиной и берёзовой корой. В мягкой земле темнели свежие следы автомобильных шин, к запаху леса примешивался бензин, а впереди всё чаще доносился шум проезжавших машин. После тихой тропинки вдоль Чудского дорога казалась непривычно оживлённой.

Эту дорогу близнецы знали с детства, и почти с каждым её поворотом было связано какое-нибудь воспоминание. У большого валуна Мирон однажды сломал удочку, возле старой сосны Мирослава собирала первые подснежники, а под раскидистой елью они вместе с Тихоном пережидали летнюю грозу, когда были ещё совсем маленькими. Сегодня знакомые места одно за другим проходили мимо, а близнецы шли дальше, туда, где ни у одного из них пока не было своих воспоминаний.

Автобус к хутору тогда ещё не ходил, поэтому близнецам предстояло перебраться на лодке через залив, доехать по восточному берегу до Гдова и там пересесть на псковский рейс.

К пристани они вышли, когда солнце уже поднялось над водой. У деревянных мостков покачивались лодки, постукивая бортами о сваи. На берегу ждали несколько человек с сумками и корзинами. На рынок везли рыбу и ягоды, люди переговаривались, уступали друг другу дорогу и торопились занять места.

— Здесь всегда так людно? — спросила Мирослава у пожилого лодочника, стоявшего неподалёку.

— Нет. Сегодня ярмарка в Пскове, вот народ и торопится.

Близнецы поднялись в лодку вместе с остальными, и, едва она отошла от мостков, Мирослава повернулась к берегу. За деревьями исчезла тропинка, крыши домов становились всё менее различимыми, пока лодка не обогнула мыс и родной берег окончательно не скрылся из виду.

— Скучаешь уже? — спросил Мирон.

— Нет, я только сейчас поняла, каким маленьким отсюда кажется наш дом.

— Дом не стал меньше, Мирослава. Просто мир оказался гораздо больше, чем мы привыкли видеть с нашего берега.

Лодка причалила, и близнецы направились к остановке. Автобус до Гдова уже ждал пассажиров. Внутри оказалось прохладно, пахло сыростью и старым железом. Потёртые дерматиновые сиденья поскрипывали, стекла дребезжали на каждой неровности. По проходу к близнецам пробиралась кондуктор в выцветшем берете, с тяжёлой сумкой через плечо. Добравшись до их ряда, она остановилась.

— Проходите, проходите. Первый раз едете?

Не дожидаясь ответа, она раскрыла сумку и протянула руку за деньгами.

— Ну что, зайчики мои, оплачиваем проезд.

Мирон полез за деньгами, а Мирослава отвернулась к окну, пряча улыбку. Кондуктор уже двигалась дальше по салону, одаривая следующего пассажира такой же бесцеремонной заботой.

Автобус неспешно покатил по узкой дороге вдоль берега, и за окнами потянулись редкие рыбацкие дома, старые ивы, склонившиеся к воде, и луга, ещё хранившие утреннюю прохладу. Мирослава не отрывалась от окна, выискивая знакомые места, а Мирон чаще смотрел вперёд, туда, где дорога скрывалась за очередным поворотом.

В Гдове автобус остановился на небольшой площади. Возле старого киоска торговали горячими пирожками, и запах свежей выпечки быстро собрал очередь у прилавка. Близнецы встали последними, а когда подошёл их черёд, пожилая торговка протянула каждому по пирожку и внимательно оглядела обоих.

— Ну, прямо две капли воды.

Она прищурилась, переводя взгляд на Мирона.

— Только этот больно серьёзный.

Потом посмотрела на Мирославу, которая уже успела оглядеть площадь.

— А ты всё по сторонам слушаешь.

Близнецы переглянулись и рассмеялись.

От матери обоим достались мягкие черты лица, полные губы и сине-голубые глаза, в которых особенно ясно проступало родство. Мирон был немного выше сестры, уже раздался в плечах, а на левой щеке темнела маленькая родинка. Мирослава рядом с ним казалась тоньше, но в её осанке чувствовалась та же собранность, а стоило ей что-нибудь решить, как во взгляде проступало упрямство Тихона.

Даже повадки у близнецов различались. В движениях Мирона ещё сохранялась подростковая угловатость, исчезавшая, едва он брался за дело. Мирослава же была легка и быстра, заранее замечая, кому нужно уступить дорогу или протянуть руку.

Близнецы доели пирожки и направились к автобусу на Псков. Двери уже были открыты, водитель ждал остальных пассажиров. Пахло бензином, нагретым асфальтом и едой из ближайшего кафе. Из открытого окна автостанции доносилась музыка.

У самой подножки Мирослава замедлила шаг. Мирон, шедший следом, ничего не спросил, только легко коснулся её локтя.

— Мы вместе, — сказал он.

За окнами лес уступал место открытым полям, изредка попадались деревни с незнакомыми названиями. Мирослава жадно впитывала всё увиденное. В придорожных лужах дрожали отражения облаков, за мокрыми заборами мелькали берёзовые рощи.

Мирон смотрел на дорогу иначе. Его взгляд задерживался на мостах, опорах и развязках, на всём, что было построено человеком и соединяло одно место с другим.

За Гдовом пассажиры разговорились. Обсуждали урожай, цены и городские новости. Мирослава прислушивалась к незнакомым голосам, а Мирон больше наблюдал за самими

людьми. Через проход мальчишка то и дело нащупывал что-то в кармане. Мирон заметил это ещё на выезде из Гдова и теперь невольно следил за ним.

После полудня вдали показался Псков. За неровной линией крыш поднялись башни и высокие стены. Чем ближе подъезжал автобус, тем теснее становились улицы. Мирослава подалась к окну, стараясь ничего не пропустить. После простора Чудского, где взгляд уходил почти до горизонта, непривычно было видеть столько домов вокруг.

На улице оказалось шумно. Люди спешили мимо, перекликались через дорогу, у торговых рядов слышались громкие голоса. Проезжавшие машины прижимали прохожих к краю тротуара.

Мирослава сбавила шаг в людском потоке. Мирон подошёл ближе и заслонил её плечом от спешивших навстречу прохожих.

Понемногу они привыкли к городскому шуму и уже без прежней осторожности двинулись дальше, разглядывая улицы и позволяя себе сворачивать туда, где становилось интересно.

Вскоре впереди показались белые стены Крома, и близнецы остановились. Чем ближе они подходили, тем выше поднималась над ними крепость, за стенами которой виднелся Свято-Троицкий собор, а по обе стороны открывался простор над Великой и Псковой.

Мирослава запрокинула голову. Белые стены поднимались над рекой, башни уходили в небо, и рядом с ними люди внизу казались совсем маленькими. Крепость вырастала прямо из земли и держала на себе весь город.

— Смотри, как он держит весь город, почти как сваи у нас держат берег.

Мирон прикинул высоту крепостной стены.

— Только здесь строили с большим запасом.

Они пошли вдоль стены. Вблизи каменная кладка казалась ещё массивнее.

Мирослава коснулась холодного камня.

— Знаешь, мне иногда снится одно и то же место.

— Какое?

— Вот это. Я иду вдоль неё, только вокруг всё другое. Люди одеты иначе, пахнет дымом, лошадьми и свежим деревом. А ты идёшь рядом со мной, но тоже совсем другой.

Мирон пожал плечами.

— Сон есть сон.

Мирослава задержалась у стены. Её пальцы медленно скользнули по неровному камню, задержались в одной из трещин, и девушка невольно прислушалась к тишине вокруг.

— Может быть, только во сне я каждый раз вижу именно это место и почему-то узнаю его.

— Ты же раньше здесь не была.

— Не была, поэтому и не понимаю.

Над городом раздался колокольный звон. Мирослава слушала, пока звук плыл над крышами, растворяясь в городском шуме. Потом первой отошла от стены.

Отойдя от Крома, Мирослава снова принялась разглядывать город и едва не свернула за старым домом в чужой переулок.

Мирон молча шёл следом.

— Ты так до вечера весь Псков обойдёшь и даже не заметишь, где мы оказались, — сказал Мирон, догнав её.

На площади их остановила музыка. Среди прохожих играл уличный музыкант, и простая мелодия то терялась в городском шуме, то снова становилась слышна. Мирослава задержалась возле музыканта.

— Красиво.

Музыкант не прервал мелодии.

— Красиво не потому, что я хорошо играю, а потому, что каждый слышит своё.

Мирослава ничего не ответила, но от музыканта отошла не сразу.

Пока Мирослава слушала музыканта, Мирон снова разглядывал древнюю стену. На камнях сохранились выбоины и трещины, некоторые потемнели от времени. Он провёл рукой по неровной поверхности.

Мирослава подошла к брату.

— О чём думаешь?

Мирон убрал руку со стены.

— О том, сколько надо знать, чтобы построенное тобой простояло столько лет.

От Крома близнецы снова вышли к людным улицам и вскоре оказались среди ярмарочных рядов. Здесь пахло выпечкой, яблоками и мёдом, торговцы наперебой зазывали покупателей, дети крутились возле деревянных игрушек, а над всем этим стоял непрерывный гул голосов. Мирон и Мирослава никуда не спешили, пробовали засахаренные орехи, рассматривали незнакомые вещи и спорили, что привезти Тихону.

У одного из прилавков Мирон взял небольшой складной нож с простой деревянной рукоятью и проверил лезвие.

— Отцу пригодится.

— И понравится. Только он сделает вид, что ничего особенного.

— Скажет, нож как нож.

— А потом будет носить его годами.

Они переглянулись и рассмеялись.

С ярмарки они свернули в узкий переулок, где людской гул быстро остался позади. Дома здесь стояли ближе друг к другу, между крышами тянулась узкая полоска неба. После шумной площади прохлада и тишина ощущались особенно остро.

Близнецы прошли ещё немного, когда Мирослава прислушалась.

— Мирон, ты слышишь?

Он остановился рядом. Издалека донёсся глухой стук, к нему примешался протяжный скрип, а затем послышались голоса. Мирон сначала решил, что звуки идут с соседней улицы, но следом различил лошадиное ржание и перестук колёс по неровной дороге.

— Здесь же нет лошадей.

Мирон ничего не ответил. Звуки становились отчётливее, а переулок оставался таким же пустым.

Мирослава коснулась каменной стены ближайшего дома, и Мирон взял сестру за руку. Так они и стояли рядом, слушая чужую жизнь, которой вокруг них не было.

Скрип колёс прошёл совсем близко. Затем голоса начали отдаляться, а лошадиное ржание смешалось с шумом машины на соседней улице. Постепенно обычные звуки города взяли верх. Из-за угла выбежали двое мальчишек, едва не задев Мирославу плечом. Следом появилась женщина с собакой, где-то наверху хлопнуло окно, и переулок снова наполнился привычной городской жизнью.

Мирослава не сразу отпустила руку брата.

— Ты всё слышал?

Мирон кивнул, продолжая смотреть в глубину переулка.

— И колёса, и лошадь, и людей.

— Значит, мне не показалось.

— Нам обоим могло показаться.

Мирослава хотела возразить, но Мирон уже потянул её к людной улице. Она оглянулась на пустой переулок и пошла за братом.

Вскоре они вышли к Ольгинской набережной. Здесь снова было людно. На скамейках сидели пары, вдоль реки гуляли семьи с детьми, у парапета фотографировались туристы.

Мирослава подошла к перилам и посмотрела на Великую, по которой ветер гнал мелкую рябь. Мирон остановился рядом, но всё ещё поглядывал в сторону улицы, откуда они только что вышли.

— Странно, — сказала Мирослава. — Я не только слышала всё это. Мне казалось, что я знаю тот переулок.

Она оттолкнулась от перил, и они неспешно пошли вдоль набережной.

— Я одного не понимаю, Мирон. Если нам обоим всё это показалось, почему мы слышали одно и то же?

Он задумался, не сбавляя шага.

— Может, после твоего сна мы оба были слишком настороже.

— Но я ничего такого не ждала. И уж точно не могла заранее придумать лошадь, колёса и чужие голоса.

Мирон вдруг остановился и сунул руку в карман толстовки. Мирослава прошла ещё несколько шагов, заметила, что брат отстал, и вернулась.

— Что там у тебя?

Мирон разжал ладонь. На ней лежала старая медная монета, потемневшая от времени, с неровными краями и почти стёртым рисунком.

— Где ты её взял?

— Нашёл возле озера ещё в детстве.

— И ни разу мне не показал?

— Не видел в ней ничего особенного.

Мирон показал монету сестре. На старой меди проступили тонкие царапины, складывавшиеся в волну с точкой.

— Этот знак я уже видела.

— Где?

Мирослава не ответила сразу и наклонилась ближе, разглядывая монету.

Чеканка почти стёрлась, но год ещё можно было разобрать.

— Ты знаешь, какого она года?

Мирон повернул монету, отыскивая год.

— Тысяча восемьсот девяносто седьмого.

Мирон провёл большим пальцем по краю монеты и убрал её в карман.

К вечеру Псков понемногу стихал. Торговцы собирали товар, на улицах становилось свободнее, и близнецы, уставшие после долгого дня, нашли небольшую гостиницу неподалёку от реки. Хозяин проводил их на второй этаж и показал комнату с двумя кроватями.

Когда за хозяином закрылась дверь, Мирослава сняла куртку и плюхнулась на кровать. Матрас пружинисто качнулся под ней. На окне висели плотные шторы и лёгкая занавеска, а на подоконнике стоял глиняный кувшин с чуть поникшими васильками. С улицы доносились голоса прохожих и шум проезжавших машин.

Мирон положил вещи возле своей кровати. Когда стемнело, Мирослава распахнула окно. Над крышами горели звёзды, такие же ясные, как над Чудским озером. Она вспомнила, как совсем маленькой спросила отца, будут ли они другими, если уехать далеко.

Тихон тогда улыбнулся и ответил:

— Нет, дочка, они будут смотреть на тебя с другого берега.

Мирослава посмотрела на звёзды. Сейчас над родным хутором сияли те же самые, и ей подумалось, что отец, должно быть, всё ещё бодрствует.

Мирон уже спал. Мирослава закрыла окно, легла и долго не могла устроиться. Перед глазами вновь возникал пустой переулок, в памяти звучали скрип колёс и чужие голоса, вспоминалась старая монета на ладони брата. Постепенно всё смешалось, теряя очертания.

Во сне Мирослава снова оказалась у Чудского озера. Вода уходила в темноту и почти сливалась с небом, знакомый берег едва различался, а тишина стояла такая глубокая, что слышался тихий плеск у самых ног.

Далеко от берега по воде разошлась рябь. В темноте показалась лодка, медленно приближавшаяся к Мирославе. Девушка всмотрелась и заметила, что вёсел в ней не было.

На корме сидел человек, опустив почерневшие руки на колени. Когда лодка подошла ближе, он поднял голову, и Мирослава увидела его почти бесцветные глаза.

Над водой донёсся голос незнакомца.

— Двое пришли, значит, двое и услышат.

Мирослава хотела позвать Мирона, но рядом никого не оказалось. Она обернулась в сторону родного берега и не узнала его. Там, где прежде стоял их дом, виднелась низкая изба с маленькими окнами. Причала не было, а деревья росли гораздо дальше от воды.

— Где я?

Человек в лодке посмотрел на неё.

— Там же, где была.

— Но здесь всё другое.

— Не всё.

Вода коснулась ног Мирославы, и она опустила глаза. С тёмной поверхности на неё глядела молодая женщина с распущенными волосами. В её лице было странное спокойствие. Мирослава обернулась, но берег оказался пуст, а незнакомое отражение по-прежнему оставалось в воде.

— Кто ты?

Ответа не последовало. По воде прошла рябь, женское лицо исчезло, и Мирослава шагнула ближе.

— Подожди!

Она и сама не знала, кого окликнула, женщину, исчезнувшую с поверхности воды, или незнакомца, чья лодка уже уходила в темноту.

— Слушай, — донёсся голос с воды.

Мирослава всматривалась в темноту, но больше ничего не услышала. Лодка постепенно исчезла из виду, а незнакомый берег начал терять очертания. Низкая изба растворилась в темноте, деревья вновь оказались у самой воды, и Мирослава узнала Чудское таким, каким помнила его с детства.

Мирослава проснулась. За окном ещё стояла ночь, занавеска едва шевелилась от прохладного воздуха, а на соседней кровати спокойно спал Мирон. Она лежала, вспоминая лодку, бесцветные глаза, женское лицо на воде и голос, успевший сказать всего одно слово.

Слушай.

Мирослава повернулась на бок и закрыла глаза, но теперь сон уже не возвращался.

За много километров от Пскова Тихон вышел к причалу. Ночь над Чудским озером стояла светлая, луна лежала на воде длинной серебристой полосой, а дом за спиной непривычно затих.

Он дошёл до края настила и сел, опустив руки на колени. Обычно в этот час из дома ещё доносились шаги. Мирон мог засидеться над чертежами, Мирослава читала допоздна, а Дымок переходил из комнаты в комнату, проверяя, все ли на месте. Сегодня пёс устроился возле крыльца и лишь поднял голову, когда Тихон вышел к воде.

Ветер почти стих, только у свай негромко плескалась вода.

— Ну что, Дымок, непривычно?

Пёс поднялся, неспешно подошёл к хозяину и лёг рядом с настилом, положив морду на лапы.

— Ничего, скоро вернутся.

Тихон поднялся и вместе с Дымком вернулся к дому. На крыльце пёс привычно пропустил хозяина вперёд и вошёл следом.

Тихон не стал зажигать свет. Прошёл на кухню, машинально взглянул на два пустых места за столом. Не хлопнула дверь в комнате Мирона, не скрипнул стул Мирославы, никто не окликнул его из коридора.

Он постоял на кухне, затем налил себе воды и ушёл спать. Из открытого окна доносился плеск озера, а из прихожей изредка слышалось дыхание Дымка.

Утром Тихон поднялся рано. К полудню сети уже сохли во дворе, лодка так и осталась у берега, и Тихон, махнув рукой, пошёл домой. На кухне он налил себе суп, отрезал хлеб и сел за стол. После нескольких ложек Тихон вдруг поднял голову и прислушался. Дымок лежал у порога и тоже насторожил уши, когда во дворе хлопнула калитка.

На крыльце появилась Акулина с кувшином молока.

— Добрый день, Тихон. Я молока принесла, а то у тебя теперь хозяйство без присмотра.

Она вошла, поставила кувшин на стол и покосилась на почти нетронутую тарелку.

— Или собственный суп разонравился?

Тихон подвинул кувшин, освобождая место возле хлеба.

— Суп нормальный, аппетита нет.

Акулина посмотрела на два пустых места напротив.

— Скоро вернутся, не успеешь соскучиться.

Тихон взялся за ложку.

— Уже успел.

Акулина ничего не ответила, только придвинула к нему кувшин поближе. Она посидела ещё немного, рассказала, кто утром ругался у причала из-за сетей и у кого опять куры забрались в чужой огород. Перед уходом перелила молоко в хозяйский кувшин и забрала свой.

В доме снова стало тихо. Тихон доел остывший суп и вышел во двор. Дымок уже возился возле сада, обнюхивая траву у забора, а со стороны соседних домов доносились голоса. Где-то хлопнула калитка, раздался женский смех, и Тихон остановился, прислушиваясь.

Смех был лёгкий, негромкий, с едва заметной хрипотцой. Так смеялась Ульяна, когда пыталась сдержаться и не могла.

За соседними домами продолжались разговоры, с озера доносился плеск воды. Тихон опустил голову и вернулся в дом.

На кухонном столе лежала вышитая салфетка Ульяны. Видимо, выпала из сундука перед отъездом детей. Тихон взял её за край и сразу узнал знакомый рисунок, хотя нитки давно поблёкли.

Ульяна вышивала эту салфетку вечерами у окна и сердилась, когда он отвлекал её разговорами. Тогда ему казалось смешным, что на такую маленькую вещь можно потратить столько терпения.

Тихон аккуратно сложил салфетку и убрал в ящик комода к остальным вещам Ульяны. За спиной зашуршали когти Дымка.

— Пойдём, Дымок.

Утро в Пскове началось раньше, чем близнецы успели выспаться. Под окнами уже проезжали машины, во дворе хлопали двери, с улицы доносились голоса. Мирон открыл глаза.

Мирослава лежала, натянув одеяло до подбородка, и смотрела в потолок.

— Доброе утро.

Она повернула к нему голову.

— Не знаю, насколько доброе. Мне опять приснилось озеро.

Мирон сел на кровати и потянулся за рубашкой.

— После вчерашнего я уже боюсь спрашивать, что на этот раз.

Мирослава сразу посерьёзнела.

— Наш берег, только совсем другой. И Велимир.

Мирон перестал натягивать рубашку.

— Велимир?

— Он был в лодке. Сказал то же самое, о чём нам рассказывал папа: «Двое пришли, значит, двое и услышат».

Рубашку Мирон так и не надел.

— А потом в воде появилась женщина. Молодая, с распущенными волосами. Не знаю, кто она.

— Странный сон.

— После вчерашнего у нас всё странное.

За окном снова хлопнула дверь, снизу донёсся чей-то смех.

Глава 2. Не прошло и минуты

Мирослава первой спустила ноги с кровати и потянулась за одеждой.

— Всё, собираемся, а то документы мы подадим только завтра.

Мирон лениво застегнул рубашку.

— Почему завтра? Можно и послезавтра, никто ведь не гонит.

— Потом папе так и скажешь.

— Папа далеко, а значит, сегодня я свободный человек и могу хотя бы один раз встать тогда, когда захочу.

На кровати Мирона так и лежало смятое одеяло.

— Свободный человек сначала застелит кровать.

— Только не начинай командовать вместо папы.

Мирон запустил в сестру подушкой. Мирослава отбила её и тут же швырнула в брата свою. Та угодила в край кровати, шов разошёлся, и по комнате полетели перья.

Мирослава потянулась за подушкой Мирона, но остановилась, услышав музыку за дверью. Несколько протяжных нот проникли в комнату. Близнецы прислушались.

Звуки приближались, чистые и негромкие, один за другим наполняя комнату. Мирослава первой подошла к двери.

— Свирель?

— В гостинице?

За дверью раздался детский смех, следом промчался частый топот, и Мирон потянулся к ручке.

— Сейчас узнаем.

Он распахнул дверь, но так и остался стоять на пороге.

— Это ещё что?

За порогом не было гостиничного коридора. Вместо него тянулась утоптанная земля, нагретая солнцем, а в нескольких шагах босоногий мальчишка удирал прочь, прижимая к груди курицу. Та отчаянно хлопала крыльями и выворачивалась у него в руках.

Мальчишка оглянулся, увидел близнецов и едва не выпустил свою добычу.

— Чужие!

Он припустил быстрее, но курица успела высвободить крыло и хлестнула его по щеке. Мирослава прыснула от смеха.

Мирон всё ещё держался за дверную ручку и медленно обернулся. За спиной оставался гостиничный номер с разбросанными вещами и перьями на полу.

— Мирослава, ты это тоже видишь?

Она заглянула ему через плечо. За порогом стояли деревянные дома, между ними ходили люди, носились дети, а откуда-то из глубины поселения продолжала звучать свирель.

— Если скажу, что нет, легче станет?

Мирон крепче сжал дверную ручку. За порогом по-прежнему лежала нагретая солнцем земля.

— Ненамного.

На крик мальчишки обернулись взрослые.

Женщина с корзиной остановилась неподалёку и без всякого смущения принялась разглядывать незнакомцев. На ней было длинное светлое платье с тёмно-красной тесьмой по вороту и рукавам, талию перехватывал широкий тканый пояс, а толстая коса лежала на плече.

У навеса от работы отвлёкся мужчина в просторной тёмно-синей рубахе. Ещё несколько человек обернулись на близнецов.

Мирон оглядел собственные джинсы и кроссовки, потом Мирославины, такие же нелепые среди длинных рубах и тканых поясов.

— Кажется, странно одеты здесь мы.

Мирослава хотела ответить, но ребятишки оказались смелее взрослых и уже окружили их. Один мальчик присел возле Мироновых ног и с нескрываемым интересом ткнул пальцем в кроссовок.

— Это что?

— Обувь.

Мальчик выпрямился и обошёл Мирона кругом.

— Чудная. А бегать в ней можно?

— Можно.

— От кого?

Мирон на секунду задумался.

— Пока ни от кого.

Ребятишки засмеялись, а Мирослава отвернулась, пряча улыбку.

Женщина с корзиной подошла ближе.

— Откуда вы?

Близнецы переглянулись.

— Из Пскова, — ответила Мирослава.

Женщина озадаченно посмотрела на Мирославу, затем обернулась к мужчине в синей рубахе. Мужчина что-то спросил. Женщина ответила быстро, не понижая голоса.

— Ты поняла, что он сказал?

Мирослава прислушалась к продолжавшемуся рядом разговору.

— Поняла. А что?

— Я тоже.

Люди вокруг говорили свободно, не стараясь подбирать слова для чужаков, и всё же близнецы понимали каждое слово.

Мальчишка, всё ещё крутившийся возле Мирона, нетерпеливо дёрнул его за рубашку.

— Так откуда ты, дядь?

Мирон осторожно разжал пальцы мальчишки, вцепившиеся в его рубашку.

— Издалека.

— Далеко это где?

Мирон оглянулся на дверь, через которую они вышли, но за его спиной уже стоял деревянный дом.

— Если бы я сейчас знал.

Мальчишка ещё обдумывал ответ, когда неподалёку снова заиграла свирель. Первые же звуки сорвали ребятишек с места, и они гурьбой помчались на музыку.

Женщина с корзиной окликнула их, но никто даже не обернулся.

— Вот сорванцы. Пойдёмте и вы.

Мирослава уже шагнула было следом, но остановилась.

— Куда?

Женщина обернулась, явно не понимая, как можно этого не знать.— На Лельник. Куда же ещё?

Мирон кашлянул в кулак, а Мирослава чуть повела бровью в сторону брата.

— Мы, кажется, должны знать, что это.

— Судя по её лицу, обязательно.

Женщина рассмеялась.

— Чужие и есть чужие. Сегодня Лелю встречаем.

Женщина пошла вслед за детьми, а Мирон, прежде чем двинуться за ней, ещё раз оглянулся туда, где недавно была дверь гостиничного номера. Теперь между деревянными домами тянулась обычная тропа.

— Назад всё равно некуда.

Мирон кивнул в сторону удалявшейся женщины.

— Тогда пойдём посмотрим, куда мы попали.

Они догнали её, и с каждым шагом вокруг становилось оживлённее. Девушки вплетали в косы первые цветы, женщины развешивали на ветвях яркие ленты, а возле корзин с угощением крутились дети, норовившие что-нибудь стащить. Чуть дальше двое парней отнимали друг у друга венок, пока его хозяйка грозила обоим прутом.

Чем ближе они подходили к холму, тем отчётливее звучала свирель, к которой примешивались хлопки, смех и девичьи голоса.

Мирон оглядел цветы в косах, молодую зелень на ветвях и венки в руках девушек.

— Весну встречают.

Мирослава заметила, куда чаще всего скользит его взгляд.

— Ты по девушкам определил?

— Я наблюдательный.

— Конечно.

Она толкнула его локтем, и Мирон едва не налетел на паренька, пробежавшего мимо с охапкой цветов.

Когда женщина вывела их к подножию холма, Мирослава замедлила шаг и тронула брата за руку.

— Мирон, смотри.

На вершине среди молодой зелени сидела девушка в белом платье. Свежие ветви обвивали её стан и запястья, в распущенных волосах желтели одуванчики и первоцветы. Рядом лежали каравай, сыр, масло и крашеные яйца, а у босых ног девушки уже собрались венки.

Мирослава задержалась у подножия холма, не сводя глаз с незнакомки.

— Это Леля?

Их спутница кивнула, но ответить не успела. По склону к Леле уже сходились девушки, и вскоре вокруг неё сомкнулся пёстрый круг из лент, цветов и переплетённых рук. Парни держались чуть поодаль, пока одна из девушек под общий смех не увлекла первого в хоровод.

Свирель подхватила новую мелодию, и хоровод двинулся по склону, постепенно ускоряя шаг. Девушки запели о весне, земле, тепле и любви, а круг становился шире, захватывая всё новых людей.

Мирослава смотрела на хоровод и уже едва удерживалась на месте.

— И ты хотел уйти?

Мирон оглянулся туда, откуда они пришли, но за спинами уже кружился хоровод.

— Пять минут назад гостиница ещё была.

Мимо пробежала девушка, но вдруг вернулась, ухватила Мирославу за руку и потянула за собой.

— Идём!

Мирослава только успела обернуться к брату, как две другие девушки добрались и до него, втянув Мирона в хоровод следом за сестрой.

Мирон почти сразу сбился, наступил кому-то на ногу, получил дружеский толчок в спину и со второй попытки всё-таки поймал движение. Мирослава освоилась быстрее и уже подхватывала незнакомую песню, угадывая слова по голосам вокруг.

На очередном повороте они увидели друг друга через круг. Мирон развёл руками, Мирослава рассмеялась, и он тоже не удержался от улыбки.

Когда хоровод распался, девушки бросились за венками, парни тут же загородили им дорогу, и по склону снова прокатился смех. Кто-то сунул Мирону кусок каравая, Мирославе протянули сыр.

Мирон откусил первым.

— Мне здесь определённо нравится.

— Ещё бы. Тебя уже и кормят.

— Хорошие люди.

Не успели они поесть, как Мирославу снова позвали девушки, а Мирону протянули длинные гибкие стебли.

Он повертел их в пальцах.

— И что с ними делать?

Сидевшая напротив девушка показала, как переплести первые два стебля. Мирон повторил за ней, но стоило отпустить пальцы, как всё распалось.

Мирослава засмеялась.

— Не смейся. У тебя ещё хуже.

— У меня хотя бы держится.

— На честном слове.

— Зато сам сплёл, — добавила Мирослава, кивнув на его венок.

— Старался, как мог.

Венок Мирославы вышел немного кривым, Миронов больше напоминал спутанный пучок цветов, но оба понесли их к Леле. Девушка в белом приняла венки и бережно положила рядом с остальными.

Миронов венок сразу затерялся среди ровных цветочных кругов, только один стебель упрямо торчал в сторону. Мирон поправил его пальцем, но стало лишь хуже.

К вечеру праздник не стих, только стал другим. На вершину холма уже несли сухие ветви для костра, Мирон присоединился к парням, а Мирослава осталась с девушками, которые после хоровода со смехом поправляли растрепавшиеся косы, венки и ленты.

Одна из девушек вплела ленту в косу Мирославы, другая попросила поправить цветы. Всё происходило так естественно, что Мирослава уже не вспоминала, как совсем недавно эти люди разглядывали их с братом как чужаков.

Солнце опускалось к лесу. К свирели присоединились гусли, над холмом снова разлилась песня, а когда занялся костёр, люди потянулись ближе.

Мирослава заметила брата среди парней. Мирон поднял руку, подзывая её, и она направилась к нему, обходя людей.

И тогда сквозь музыку донёсся другой звук.

Мирослава оглянулась. Вокруг смеялись, гусли перебирали струны, в костре потрескивали ветви, но сквозь всё это ей почудился глухой человеческий стон.

Под ногами лежала примятая трава, среди следов темнели сорванные лепестки. Мирослава прислушалась, стараясь отделить один звук от множества других.

Стон повторился, теперь отчётливее, и следом донёсся короткий всхлип. Мирон заметил, что сестра отстала, и вернулся к ней.

— Что случилось?

Мирослава подняла руку, прося помолчать.

— Послушай.

Он встал рядом.

Свирель продолжала вести мелодию, люди пели и переговаривались у костра, а из глубины снова донёсся стон.

— Слышал?

Мирон кивнул, присел и коснулся земли пальцами. Мирослава отошла в сторону, но звук стал слабее. Она вернулась, и почти сразу под ногами снова послышался всхлип.

— Здесь.

Мирон поднялся.

— Там кто-то есть.

К ним подбежала девушка, которая недавно затащила Мирославу в хоровод.

— Вы чего здесь? Идёмте, сейчас начнётся!

Мирослава указала на землю.

— Там кто-то плачет.

Девушка сразу перестала улыбаться и, тревожно оглянувшись на людей у костра, взяла Мирославу за руку.

— Не слушай.

Мирослава не сдвинулась с места.

— Почему?

Девушка крепче сжала её пальцы и потянула к остальным, но Мирон шагнул ближе.

— Кто там?

Она помедлила.

— Кто?

Незнакомка отвела глаза.

— Под землёй они живут. Давно уже. Старики говорят, сами туда ушли и выходить не хотят.

Из глубины снова донёсся стон. Мирослава шагнула на звук, но девушка удержала её.

— Не надо. К ним не ходят.

— Там человеку плохо.

Девушка покосилась на холм, где по-прежнему звучала музыка.

— Оттуда не возвращаются.

Мирон посмотрел на сестру.

— Даже не думай.

Мирослава высвободила руку.

— А если там действительно нужна помощь?

Мирон вздохнул.

— Вот поэтому и говорю заранее.

Он слишком хорошо знал сестру, чтобы надеяться, что она уйдёт, услышав чей-то плач.

Мирон повернулся к девушке.

— Где вход?

Та отступила на шаг.

— Не скажу.

— Тогда будем искать сами.

Мирослава повернулась к брату.

— Ты только что запрещал мне даже думать.

— Запрещал. Не помогло же.

Она улыбнулась, и Мирон покачал головой.

— Одну тебя я туда всё равно не отпущу.

Близнецы двинулись на голос, и девушка бросилась следом.

— Стойте! Здесь входа нет. Надо спуститься с холма. За деревьями есть каменная расщелина, только её давно заложили.

Мирослава сразу повернула к склону.

— Покажешь?

Девушка замялась и оглянулась на вершину, где всё ещё звучали свирель и гусли.

— Только издалека.

— Договорились.

Она повела их вниз, обходя молодой кустарник. Она повела их вниз, обходя молодой кустарник. С каждым шагом праздничная музыка звучала всё тише, уступая шелесту листвы.

У первых деревьев девушка остановилась и указала вперёд.

— Там.

За густыми ветвями темнел каменный склон. Между крупными валунами угадывалась узкая щель, почти доверху заложенная камнями. Мирослава подошла ближе и коснулась холодного камня.

Из глубины донёсся слабый голос.

— Помогите...

Мирослава прижалась ухом к щели между камнями.

— Здесь.

Мирон уже взялся за верхний камень. Тот сидел так плотно, что пришлось раскачивать его обеими руками. Когда камень наконец поддался, вниз посыпались земля и мелкие осколки. Мирослава тут же принялась помогать.

Они разбирали завал, пока между валунами не открылся узкий проход, в который можно было протиснуться боком.

Мирон отряхнул ладони и шагнул к расщелине, но Мирослава остановила его.

— Я пойду первой. Если там кто-то ранен, я быстрее пойму, что делать.

Он посмотрел на сестру.

— Ты ещё не врач.

— Но помочь уже могу.

Спорить с ней Мирон не стал. Он отступил, пропуская сестру, и Мирослава осторожно протиснулась между камнями.

За завалом начинался узкий проход. Дневной свет быстро мерк, дальше каменные стены уходили в полумрак. Мирон вошёл следом, и музыка праздника за их спинами сразу зазвучала тише.

Мирослава всмотрелась в темноту.

— Ты где? Мы пришли помочь.

Проход молчал, а затем из глубины донёсся слабый голос.

— Здесь...

Они пошли на голос. Приходилось пригибаться под выступами, обходить камни и опираться на холодные стены. Чем дальше они уходили от входа, тем отчётливее слышалось впереди прерывистое дыхание.

За поворотом Мирослава первой увидела девочку. Та сидела у стены, прижавшись к камню. Одну ногу она вытянула перед собой, щиколотку придавило обломком, а пальцы крепко сжимали разорванный подол платья.

Услышав шаги, девочка дёрнулась, попыталась отползти и вскрикнула от боли.

Мирослава сразу опустилась перед ней на колени.

— Не бойся. Мы тебя вытащим.

Девочка смотрела на неё широко раскрытыми глазами и часто дышала.

— Не трогай... больно.

Мирослава осторожно придвинулась ближе.

— Я только посмотрю. Больше ничего.

Она легко коснулась ноги выше щиколотки. Девочка сжалась и закрыла рот ладонью, сдерживая крик. Мирон опустился рядом, упёрся в камень и попробовал его вес.

— Если я его приподниму, сможешь вытащить ногу?

— Смогу. Только медленно.

Девочка вдруг схватила Мирославу за руку.

— Не уходи.

Мирослава накрыла её пальцы своими.

— Я останусь с тобой.

Девочка немного успокоилась, но пальцев Мирославы так и не отпустила.

— Вы от Лели пришли?

— С праздника. Сейчас вытащим тебя отсюда, а потом поговорим.

При слове «праздник» девочка насторожилась.

— Какого праздника?

Мирослава уловила перемену в её голосе и придвинулась ближе.

— Лельника. Наверху сейчас Лельник.

Девочка побледнела и прижалась спиной к каменной стене.

— Нет.

Мирон уже собирался спросить, что она имеет в виду, но Мирослава покачала головой. Сначала нужно было освободить ногу.

Мирон поудобнее упёрся в камень, готовясь приподнять его. Мирослава осторожно обхватила девочку за голень.

— Готова? — спросил Мирон у сестры.

Мирослава кивнула, и он начал медленно поднимать камень.

Девочка вскрикнула и вцепилась в плечо Мирославы.

— Потерпи ещё немного.

Как только под камнем появилось достаточно места, Мирослава осторожно вытянула её ногу и сразу поддержала девочку, не давая ей подняться.

— Всё. Теперь не наступай на неё.

Девочка прижала освобождённую ногу к себе и сидела, уткнувшись лицом в плечо Мирославы. Потом вдруг подняла голову и насторожилась.

— Нам надо уходить.

— От кого?

Девочка замотала головой и попыталась встать, но боль тут же заставила её опуститься обратно. Мирослава поддержала её за плечи.

— На эту ногу наступать нельзя.

— Я должна идти. Они нас найдут.

— Кто?

Девочка снова посмотрела в глубину прохода, но отвечать не стала. Мирон присел перед ней.

— Давай, полезай на спину.

Она шарахнулась от него и прижалась к Мирославе.

— Не бойся, это мой брат. Он тебя понесёт.

Девочка ещё помедлила, затем всё же обхватила Мирона за плечи. Он осторожно поднялся, придерживая её под колени.

— Куда теперь?

Она указала не в сторону расщелины, через которую вошли близнецы, а дальше, в темноту.

— Туда.

Мирон не двинулся.

— А назад?

Девочка крепче обхватила его за шею.

— Нельзя. Они ждут у выхода.

Мирослава подошла ближе.

— Нам нужно знать, от кого мы уходим.

Девочка спрятала лицо у Мирона на плече.

— Не здесь. Пойдёмте.

Мирон сделал несколько шагов и остановился, поправляя девочку на спине. Позади ещё дважды хрустнула каменная крошка. Мирослава обернулась, но за поворотом никого не увидела. Она удержала брата за рукав, и все трое замерли. Из темноты донёсся ещё один осторожный шаг.

— Не отставай от меня, — сказал Мирон сестре, и они пошли быстрее.

Мирослава больше не расспрашивала девочку. Она держалась рядом с братом, поддерживая его ношу там, где проход сужался. Постепенно стены расступились, впереди показался слабый свет. Мирон ускорил шаг, но девочка тут же подняла голову.

— Тише.

Свет становился ярче. Проход вывел их на широкий каменный выступ, и Мирон остановился так резко, что Мирослава едва не налетела на него.

Глубоко внизу жил целый город.

В каменных стенах темнели входы в жилища, между ними тянулись переходы и лестницы. Внизу горели огни, женщины занимались своими делами, мужчины переносили корзины и вязанки дров, неподалёку играли дети. До выступа долетали голоса, смех и звон посуды.

Мирослава подалась вперёд, стараясь разглядеть всё сразу. После тесного прохода трудно было поверить, что под землёй может скрываться столько света и жизни.

— Вот это да...

Девочка потянула её за руку.

— Мне домой надо.

Они направились вниз по высеченным в камне ступеням. Мирон шёл осторожно, поддерживая девочку под колени, а Мирослава держалась рядом и придерживала её на крутых участках.

Чем ниже они спускались, тем чаще встречали людей. Те останавливались, провожали чужаков любопытными взглядами, однако никто не заговаривал. Девочка всё торопила Мирона и показывала вперёд.

И вдруг вскинула голову.

— Мама!

Навстречу уже бежала женщина. Мирон передал ей девочку, и та прижалась к матери, обхватив её за шею. Женщина принялась целовать дочь в волосы, торопливо спрашивая, где та была и что случилось. Девочка отвечала сквозь слёзы, сбивалась, показывала то на Мирославу, то на Мирона. Вокруг начали собираться люди. Кто-то помог матери усадить дочь. Один из мужчин опустился рядом и осторожно осмотрел распухшую щиколотку.

Мирослава выпрямилась и только тогда заметила молодую женщину, стоявшую чуть поодаль.

Та внимательно разглядывала близнецов. Распущенные волосы падали на плечи, открывая знакомое лицо. Их взгляды встретились. Мирослава крепче сжала руку брата.

— Мирон... Это она.

Он проследил за её взглядом.

— Кто?

Мирослава не могла отвести глаз от незнакомки.

— Та, что была в воде.

Незнакомка подошла к близнецам. Вблизи её лицо казалось совсем юным, но взгляд оставался таким же спокойным.

— Спасибо, что не оставили девочку там.

Мирослава посмотрела в сторону матери, всё ещё державшей дочь за руку.

— Мы её услышали.

В лице женщины что-то изменилось.

— Услышали?

Мирон кивнул.

— Ещё на холме. Она была глубоко под нами.

— Значит, всё-таки услышали.

В памяти Мирославы отозвались слова Велимира. Двое пришли. Значит, двое и услышат. Мирослава хотела спросить, что незнакомка имеет в виду, но рядом заплакала девочка.

Молодая женщина подошла к девочке и осторожно провела пальцами вдоль распухшей щиколотки. Мирослава опустилась рядом.

— Я уже смотрела. Нога распухла. Не знаю, цела ли кость, но наступать на ногу ей нельзя.

Женщина посмотрела на неё с интересом.

— Ты умеешь лечить?

Мирослава немного смутилась.

— Пока только собираюсь учиться.

Мирон кашлянул за её спиной.

— Вообще-то мы ещё даже документы не подали.

Мирослава обернулась.

— Спасибо. Очень вовремя.

Мать девочки подняла голову.

— Останьтесь с нами. Вы спасли мою дочь, а гостя без еды не отпускают.

Девочка сидела рядом с матерью и то и дело тревожно поглядывала в сторону прохода, по которому они пришли. Мирослава коснулась руки брата.

— Она сказала, что у выхода кто-то ждёт.

Мирон присел перед девочкой.

— Кто тебя туда загнал?

Девочка сразу прижалась к матери.

— Те, кто не хочет, чтобы мы выходили наверх.

— Почему?

Девочка вместо ответа посмотрела на молодую женщину. Та ласково погладила её по волосам.

— Когда-то чудь ушла под землю. Для тех, кто остался наверху, нас больше нет.

Мирослава оглянулась на город. Вокруг продолжалась обычная жизнь, дети играли, люди разговаривали, из одного жилища женщина вынесла корзину.

— Но вы же здесь.

Молодая женщина посмотрела на неё спокойно.

— Здесь мы живём. Наверху о нас рассказывают.

— Что рассказывают?

— По-разному. Одни говорят, что чудь исчезла, другие боятся даже произносить наше имя. Есть и такие, кто ищет дорогу сюда.

Девочка сильнее прижалась к матери.

— Они тоже искали.

Мирослава посмотрела на неё.

— Те, кто тебя загнал?

Девочка кивнула.

— Я поднялась к расщелине. Хотела посмотреть на праздник.

— На Лельник? — спросила Мирослава.

— На Лельник. Только там уже никого не было. Я пошла обратно, а они стояли у входа. Пришлось свернуть в старый ход.

— Давно это было?

— Утром.

Мать отвела волосы с её лица.

— Прошлой весной ты ушла. Я каждый день приходила к расщелине, звала тебя. Мы все тебя искали.

Девочка перестала теребить край её рукава.

— Я ведь ещё домой обедать хотела.

Мирослава присела перед ней.

— Ты всё это время была под камнем?

— Нет. Я бежала, потом упала. А потом вы пришли.

Мать крепче обняла дочь.

— Для неё этот день ещё не кончился.

Мирон обернулся к молодой женщине.

— Как такое возможно?

— Старые ходы ведут не только в другие места. Она свернула туда прошлой весной, а вышла к вам сегодня.

— Значит, можно вернуться и никого не застать?

Женщина не сразу ответила.

— Поэтому мы туда не ходим.

Откуда-то сверху донеслась свирель. Девочка подняла голову.

— Эту песню утром играли.

Мирослава узнала мелодию, под которую девушки на холме плели венки, и потянулась к руке брата.

— Теперь точно надо наверх.

Мирослава поднялась, но молодая женщина остановила близнецов.

— Идите, только не возвращайтесь той дорогой, которой пришли.

Мирон обернулся.

— Почему?

Женщина подошла к каменной стене и провела по ней ладонью.

— Вы открыли ход, который был закрыт много лет. Если пойдёте обратно через него, можете выйти совсем не туда, откуда пришли.

— Но девочку мы нашли именно там.

— Она вошла с другой стороны.

Мирон оглядел уходившие вверх ступени.

— Значит, есть другой выход?

— Есть. Я вас провожу.

Они уже собирались уходить, когда девочка окликнула Мирославу и попросила мать принести её венок. Та ненадолго скрылась в ближайшем доме, а вернувшись, развернула лоскут ткани. Внутри лежали высохшие весенние цветы.

— Ты оставила его на столе, когда побежала к расщелине. Я так и не смогла выбросить.

Девочка взяла венок у матери и протянула Мирославе.

— Возьми.

Мирослава бережно приняла венок. Сухие стебли тихо хрустнули под пальцами.

— Зачем?

Девочка коснулась одного из лепестков.

— Если там опять Лельник, посмотри, растут ли ещё такие.

Мирослава осторожно прижала венок к себе.

— Посмотрю.

Молодая женщина повела близнецов между каменными жилищами. Вскоре город остался позади, проход сузился и пошёл вверх. На развилке она остановилась и указала дорогу.

— Отсюда прямо. Скоро увидите свет.

Мирон пошёл первым, а Мирослава задержалась.

Она вспомнила лицо женщины, увиденное во сне, и слова Велимира. Вопросов становилось всё больше.

Сверху снова донеслась свирель. Женщина коснулась её руки.

— Иди, пока дорога открыта.

Мирослава осталась стоять рядом с ней, не решаясь уйти.

— Мы ещё увидимся?

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Вы умеете слышать. А это уже многое значит.

Из прохода позвал Мирон. Женщина отпустила руку Мирославы.

— Когда позовут к огню, идите вместе. Рук не размыкайте.

Мирослава хотела переспросить, но женщина уже повернулась к тёмному ходу. Там послышался знакомый хруст. Она прижала ладонь к стене, и за её спиной с глухим скрежетом сдвинулся камень. Мирослава поспешила за братом.

Вскоре впереди появился дневной свет. Мирон раздвинул нависшие ветви и придержал их, пропуская сестру. Мирослава выбралась наружу, осторожно держа высохший венок. Мирон вышел следом.

Свирель звучала совсем близко. На холме по-прежнему пели и водили хоровод возле разгоревшегося костра. Мирон остановился рядом с сестрой.

— Она целый год не могла вернуться, а мы успели к той же песне.

Мирослава прикрыла сухие цветы рукой.

— Нас другой дорогой вывели.

Они ещё постояли у деревьев, прислушиваясь. За спиной было тихо. Среди свежей зелени высохший венок в руках Мирославы казался ещё более невозможным.

Между деревьями выбежала девушка, с которой они совсем недавно плели венки.

— Вы куда пропали?

— Долго нас не было? — спросил Мирон.

Девушка удивлённо посмотрела на него.

— Долго? Вы только отошли.

Мирон и Мирослава переглянулись. Мирослава опустилась возле цветов, Мирон принялся искать вместе с ней. Вскоре среди них нашлись такие же, из каких был сплетён старый венок.

Только здесь стебли оставались зелёными, а лепестки были свежими и едва раскрывшимися.

Мирослава сорвала один цветок и поднесла к высохшему венку. Тот же цветок.

Девушка с любопытством наблюдала за ними, и Мирон протянул ей венок.

— Такой могли сплести сегодня?

Она осторожно коснулась сухих стеблей и рассмеялась.

— Сегодня? Да он скоро рассыплется.

Мирон медленно забрал венок из её рук и передал Мирославе.

— Тогда когда?

Девушка пожала плечами.

— Прошлой весной, наверное.

С вершины холма прокатился радостный крик. Свирель заиграла громче, девушки подхватили венки и поспешили к костру. Их знакомая схватила Мирославу за руку.

— Скорее! Сейчас самое главное начнётся.

Мирослава не сразу двинулась за девушкой. После темноты смех вокруг казался слишком громким, а сухие стебли венка неприятно царапали кожу.

Она рассказала брату о последних словах женщины.

Мирон оглянулся на край леса и придвинулся ближе к сестре. Когда первые смельчаки с разбега перелетели через костёр, он протиснулся вперёд, стараясь разглядеть, куда они приземляются.

— Даже не думай! — крикнула Мирослава.

Он оглянулся и протянул ей руку.

— Вместе?

Мирослава взглянула на огонь и взяла брата за руку.

— Если подпалю джинсы, виноват будешь ты и папе сам объяснишь.

— Договорились.

Они отошли от костра. Мирон крепче сжал её руку, дождался, когда перед костром освободится место, и они разбежались.

Перед глазами Мирославы мелькнули пламя и искры. Она крепко держалась за брата, а в следующее мгновение ноги коснулись не травы, а твёрдого пола.

По инерции близнецы пролетели ещё несколько шагов и едва не врезались в кровать. Мирон успел упереться в неё рукой, а Мирослава налетела ему на спину.

— Ты чего встал?

— А куда дальше? В стену?

Мирослава выпрямилась и огляделась. На полу ещё кружились перья из разорванной подушки, за окном шумел утренний Псков.

— Вот теперь можешь сказать, что мне всё это показалось, — сказал Мирон.

Мирослава хотела ответить, но сухой стебель кольнул кожу, и она разжала пальцы, разглядывая венок девочки. Мирон протянул руку, но так и не решился к нему прикоснуться.

За дверью послышались шаги и приглушённые голоса, возвращая комнату к обычному гостиничному утру.

Мирон взял часы с прикроватной тумбочки. Стрелки почти не сдвинулись.

— Мирослава, иди сюда.

Она подошла. С того мгновения, когда за дверью впервые зазвучала свирель, не прошло и минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.